

топологически эта бытовая сторона как раз находится поблизости, повсеместно вокруг них. А сам экзотический полюс удалён географически. Есть пространство г. Москва, но в ней экзотика и средневековый Париж. На основании изученного материала мы приходим к выводам, что такие далёкие топосы, как Италия, Париж, Южная Америка, Троя, являются малыми и близкими топосами как раз потому, что с ними обычно сравнивают герой объекты из близкого полюса г. Москвы. Дело в том, что следует различать реальную топографию и вымышленную. И реальные (в пределах художественной действительности) Париж, Италия, Южная Америка — это совсем не то же самое, что Париж, Италия и Южная Америка в сознании рассказчика. Кавалеров берет

их как бы «в чистом виде» не как реальный город. В итоге мы обнаруживаем, что идеализированная экзотика оборачивается на самом деле не чем иным, как пропагандой семейного быта и пафосом обретения домашнего очага, которого лишены персонажи. Иначе говоря, всё географически удалённое и в реальности недостижимое является близким в качестве культурных штампов для сознания рассказчика, когда персонажи на время как бы выходящие из своего «амплуа», становятся на необычную для себя точку зрения. Это как раз говорит о том, что насколько они не помещаются в своей «идейной» установке, ровно настолько они выигрывают в глазах автора и читателя.

*Bykova Tatiana Valeriivna,
Kyiv National Pedagogical University
behalf M. P. Drahomanova,
docent of Ukrainian literature
E-mail: nanan@meta.ua*

National images and symbols Hutsulshchyna pages «Mountain watercolors» Ignatius Khotkevych

Abstract: The article by analyzing the works of art of the twentieth century Ukrainian writer I. Khotkevych investigate the influence of national images and symbols on the attitude Hutsuls revealed the extent of their interaction with their native land, is considered in greater depth the problem of correlation of small and large homeland in the life of every nation. From the perspective of an outside observer Hutsulshchyna perceived as syncretism of local images and symbols, this region presents.

Keywords: Hutsulshchyna, national images, symbols, text, work.

*Быкова Татьяна Валерьевна,
Киевский национальный педагогический
университет имени М. П. Драгоманова,
доцент кафедры украинской литературы,
E-mail: nanan@meta.ua*

Национальные образы-символы Гуцульщины на страницах «Горных акварелей» Игнатия Хоткевича

Аннотация: В статье при помощи анализа художественных произведений украинского писателя XX века И. Хоткевича исследуется влияние национальных образов-символов на мироощущение гуцулов, раскрывается степень их взаимодействия с родной землей, рассматривается более углубленно проблема соотношения малой и большой Родины в жизни каждой народности. С позиции постороннего наблюдателя Гуцульщина воспринимается как синкретизм локальных образов-символов, презентующих этот край.

Ключевые слова: Гуцульщина, национальные образы, символика, текст, произведение.

Текстуальный диапазон Гуцульщины первой трети XX века включает достаточное количество художественных произведений, где украинские писатели

на философском уровне решают вопросы о сакральной роли Карпатского края для гуцула, а также почему именно в этом экзотическом месте, находящемся

далеко от цивилизации, удалось сохранить неприкосновенность природы и на ментальном уровне единство человека и среды обитания.

Гуцульщина начала XX века как этническая составляющая картины украинского мира с позиции антеизма становится объектом творческого исследования в произведениях М. Коцюбинского «Тени забытых предков», И. Хоткевича «Горные акварели», «Гуцульские рассказы», М. Грушевского «На горах», Н. Романович-Ткаченко «Карпатские этюды», Ю. Шкрумеляка «Огни с полонин», И. Синюка «Образки из природы» и т. д. Антеистическая парадигма вышеупомянутых произведений четко определяется общеизвестной формуле Альберта Швейцера: «Я — жизнь, хочет жить, я — жизнь среди жизней, которые хотят жить» [2, 35]. Эта философская позиция полностью выражает внутренний смысл «Горных акварелей» И. Хоткевича.

В системе художественных образов-репрезентантов гуцульского края писатель особое место выделяет национальным образам-символам водной стихии. Наблюдая за ходом гуцульской жизни, писатель выделяет среди основных идентификаторов края те символические образы, которые характеризуют именно Гуцульщину, раскрывают ее внутреннюю сущность. Водная стихия как философский символ жизни края, а значит и всего мира, характеризуется в новеллах «Черемош», «Наводнение», «Жизнь», «С гор потоки», «Дарабою» и др.

Главным представителем водной стихии края на Галицкой Гуцульщине И. Хоткевич считает реку Черемош. Образ главной реки Карпатского края проходит лейтмотивом через все наследие писателя. Со страниц его произведений звучит бесконечная хвалебная ода и молитва к этой реке. Благоговейно называя Черемош «Гуцульской Рекой», «Красулею дикою, вимогливою, змінливою», писатель подчеркивает особый сакральный статус Черемоша в жизни каждого гуцула. Это Великая Река воспринимается реципиентом с подачи писателя как живое существо, которому присущи различные черты характера и способное управлять судьбами всех жителей этого горного края. Средства персонификации позволяют постичь все величие и красоту главной реки Гуцульщины. Обращаясь в высоком стиле к Черемошу, автор-философ размышляет над тесной ментальной связью, существующей между гуцулом и Рекой, на берегу которой он проживает. О невероятной силе такой связи свидетельствует и влияние Реки на всю жизнь самого автора, несмотря

на то, что он не гуцул: «Чимось владаєш ти наді мною, чимось зневолюєш. Усе неначе спомини мої несеш із кожною хвилею своєю, все неначе надії обіцяєш. Я не в'язав із тобою свого життя, я не кидався в тебе ні щасливий, ні зрозпачений, і не маєш ти прав на мене — а преці ж володієш мною» [1, 68] (Тут и далее цитаты подаются языком оригинала. — Т. Б.). Река — сакральный символ Матери-природы для всей Гуцулии, полонящая красотой каждого, кто хотя бы один раз ее видел.

Объективно оценивая значение Черемоша в жизни гуцула, И. Хоткевич характеризует ее многочисленными эпитетами: «Красная Река», тайная, «Суровой Река», дикая, гневная, злобная. Каждое авторское название Черемоша должным образом подкрепляется размышлениями, поясняющими такую беспристрастную авторскую оценку. Однозначно называя Черемош «родной рекой», «источником жизни и существования гуцульского» И. Хоткевич стремится найти причину такой тесной ментальной связи между гуцулом и его Рекой. Называя Черемош «Суровой Рекой» автор констатирует факт благоговейного верования гуцулов в непобедимую силу природной стихии: «Ти, Сувора Ріко!.. Чому все напружені брови і вся ти скоро до гніву? Чому в одній хвилі можеш розсердитися, почорніти, зашуміти грізно й невимоло і повалити гори за горами, ревучи, розкриваючи пащі-безодні і похляпаючи все живе?.. І тоді шум твій стягає гуцулів з усіх кічер (кичера — это гора, покрытая лесом, с голой вершиной. — Т. Б.). Ідуть і йдуть, мов за чарівним голосом, становляться безмовно поздовж берегів і дивляться. Тільки дивляться отупілими очима в схвильовані безодні, не говорячи ні слова, мов би не бачать, як Ти руйнуєш їх працю, їх надії, їх все» [1, 69].

Автора удивляет гипнотическая гуцульская зачарованность «дикостью» Реки. Поэтому, констатирует писатель, живя по законам Природы, гуцул не стремится их нарушить, по отношению к природе на ментальном уровне он остается послушным ребенком, склоняя голову перед ее величием.

Черемош является национальным сакральным символом целой Гуцульщины, образом малой Родины, в котором сконденсирована вся непревзойденная таинственная красота Карпатского края. Этот образ-символ поражает своей экзотичностью и неповторимостью, а следовательно имеет определенные ментальные признаки, позволяющие идентифицировать Гуцульщину на карте мира. И. Хоткевич отмечает, что собственно географическое расположение этой реки,

дает возможность увидеть ей «всю Гуцульщину», захватить «всю поэзию» края, а значит, и впитать в себя все составляющие внутреннего мира Карпат.

С позиции быстрого течения реки происходит фиксирование всех жизненно важных реалий Гуцульщины: «Надивишся і на полонини розлогі, безкраї, і на густі сигли (горный лес из елей, имеющих только верхушки. — Т. Б.) непробивні й дико-суворі, обглянеш з усіх боків і гуцульський осередок самітний у відлюдній тишині і вчеш там співаночку дівочу, як стане дівча на березі, само серед безконечностей лісових, серед височенних до небесних гір та й вигукує на всі простори, аж відляски йдуть, аж нявки і люзони (люзона — это девушка, умершая перед венчанием. — Т. Б.) з-під каменя визирають розцікавлені і зумовляються утопити колись дівчини ще» [1, 69].

Художественные аудио-визуальные топонимы создают иллюзию синтетического раскрытия внутренней сущности Гуцульщины как места-рая для жизни гуцулов-автохтонов. В одном предложении писателю удалось масштабное охарактеризовать и идентифицировать национальную самобытность горного края, нетронутого цивилизацией. Для гуцула Черемош как главный образ-топоним Гуцульщины выступает символом большой и малой Родины.

Однако, по мнению Г. Хоткевича, Гуцульская Река имеет свои характерные особенности, которые отличают ее на фоне других рек. Силой Природы Черемош не способен поражать своей умеренной текучестью и спокойствием характера. Своеобразным пророчеством наполнены философские размышления автора о непосредственном влиянии цивилизации начала XX века на быстрый естественный ход Черемоша: «Чекай! Прийдуть до тебе інші люди, в новому залізю нові рицарі і скують тебе, Черемоше, каменем і залізом і новим, ще невідомим тобі путем, міцнішим від заліз. І сосци питаючі тебе істоцать, і пізнають твої тайни чорногірські, і станеш ти послушним, як дитина. Смирно потечеш у твердою рукою ще на папері окреслених берегах, будеш роззуватися в будень і убиратися в свято, і ніхто вже не буде боятися гніву твого» [1, 71]. Писатель-философ в рассказе «Черемош» отмечает различие в отношениях к Гуцульской Реке гуцула-автохтона и других представителей общественности, не имеющих духовного единения с Гуцульщиной. В этом символическом образе сконденсирована для автора не только красота, но и боль целой Гуцулии, экзотичность и неповторимость которой может ликвидировать с жестокой силой цивилизационный прогресс.

Неизменность общественных процессов писатель не отрицает, однако с объективной осторожностью стремится предостеречь Гуцульскую Реку, а вместе с ней целую Гуцульщину от неоднозначного отношения к своим детям-автохтонам: «Плакати будеш, Черемоше, скований Черемоше. Плакати будеш по тих часах неповоротних, коли був лиш ти та гуцул, і боролися ви один з одним, і підстерігали, тішилися, коли одному удавалося побороти другого» [1, 71]. Писатель неоднократно констатирует, что такое взаимодействие Гуцульского края с гуцулами является естественным, расписанным по законам природы. По сути, это закон сосуществования нескольких особей, где путем симбиоза происходит момент формирования внутренней силы края и его автохтонов-гуцулов. Вся сакральная энергия Гуцульщины непременно должна выплеснуться в силе духа ее жителей, которые когда-то поведут за собой весь мир: «Гей! Так ірви ж береги, Черемоше, вали гори, зоставляй великий спомин по собі! Може з твоєї хвилі зробиться поет тобі й зуміє могутнім, як ти, словом затрясти кам'яним вінцем непорушним гір твоїх і показати світові цілому невиту Красу їх! І світ здивується тоді і скаже — невже була серед нас краса така, а ми нічого о тім і не знали?» [1, 71].

Восклицательные предложения, междометия, риторические вопросы выражают весь спектр эмоций, переполняющих внутренний мир писателя. Чувство гордости за этот карпатский край граничит с искренним авторским изумлением того, что быстрый ход цивилизации еще не успел разрушить экзотический спрятанный райский мир Гуцульщины. Таким эмоциональным воодушевлением прозаик стремится проявить свою позицию относительно общественных эволюционных процессов, которые могут Гуцульщину превратить в образ-символ потерянного рая, уничтоженного человечеством.

Экзистенциальная проблематика другого рассказа И. Хоткевича «Жизнь» побуждает реципиента к философским размышлениям о смысле человеческого бытия, осознание принципов выживания человека в обществе, каким образом естественные законы корректируют жизнь одного человека и целого общества.

Созерцание автора за сплавом леса горными потоками Черемоша ассоциируется с течением жизни человеческой общности. Законы природы и законы человечества сосуществуют в потоке жизни, существенно влияя друг на друга. Выступая в роли не непосредственного участника событий, а выполняя

своеобразную роль Бога или сверхчеловека, способного управлять потоками и жизнями, автор исследует внутреннюю сущность человеческой жизни.

Быстрый поток горной реки в произведении ассоциируется с быстрым течением жизни, на ход которого влияют иногда и алогические законы: «Дивлюся на одну ріку — і бачу другу... Мов на екрані проходить передо мною людське життя, так само безладне, в таких само безсмыслених рухах, як от у оцих кльошів. І таке саме безцільне. І аж смішно стає — яке то все гупе, яке випадкове, і на гупих і випадкових законах побудоване. Бо є одна лиш всемогутня і безконечна сила — от та, що пре всі оті ковбки, кльоши, платви, другарі, заметільниці. Елементарна, тупа й безоглядна, жорстока сила життя. Безтямно і незаслужено виносить одних наперед, а других тручає між каміне, б'є в кашиці і запроваджує на ринь» [1, 77].

Вкладывая традиционный символический смысл в противопоставление река — жизнь, автор предстает настоящим философом, размышляя над ценностью и востребованностью человеческого бытия. Сравнивая движение различных ковбков (колод. — Т. Б.) бурной водой, писатель углубляется в размышления о существовании в мире человека соотношение добра и зла, законов выживания, логики, справедливости. Многочисленные рассуждения касаются манеры передвижения бревен рекой, во время такого созерцания И. Хоткевич рисует в своем воображении целые жизненные ситуации, разрабатывает человеческие характеры, прослеживает финальные моменты существования мнимых людей, делает логические выводы о значении элементарного случая в жизни каждой личности: «Скільки ж їх! І як різна їх доля і як однаково безцівна. Коли б хто в силі був зрозуміти — чому он той ковбок вигідно направився серединою і все йому якось дається, а другий от чомусь летить навкіс. Скоро, поквапно, в повній і добрій вірі, що робить якнайліпше. І спробуй його переконати, що не туди він пішов, що на кашицю впрост несе і сили свої і талант, що в пусто-дурно потратить молодість — не повірить і хльопнеться з усього розмаху і пропаде, а інші, і

дурніші, і не талановиті прошмигнуть за той час мимо і ген вже де ген!» [1, 80].

За несколько пессимистичным авторским настроением скрытое объективное видение сущности законов всей Вселенной, в котором законы человечества не имеют существенного влияния. Да, именно Река Жизни, подобно горной реки, по мнению автора, задает тональность в незримом потоке человеческих судеб, оставаясь при этом внешне равнодушной ко всем потребностям человечества: «А велика Ріка Життя реве і гуде і все в ній тоне. Атом чистоти гине разом із бруду атомом і, здається, ніщо непотрібне — ні чистота, ні бруд. Усе втоне у Безконечності морі і всьому одна ціна ...» [1, 82].

Гуцульщина предстает в данном случае латентным фоном, что побуждает лирического героя задуматься над проблемами, которые выходят за локальные рамки определенного края, ведь они касаются жизнедеятельности всего общества. Философские проблемы бытия, затронутые в произведении, достигают вершин своей глобальности за счет постоянной авторской апелляции к символике понятий «бесконечности», «равнодушия» и отсутствия логики в понимании всех природных процессов.

Несмотря на активную или пассивную общественную жизнь, каждый человек, по мнению автора, является естественным организмом, которому отведено для существования определенный промежуток времени. И. Хоткевич как настоящий антеист в «Горных акварелях» придерживается идеи глубокого единения гуцула с родным краем, когда даже небольшое упоминание, разговор о родной горной местности создает эффект «живой воды» для ментального мира гуцула, способно наполнить его внутреннее естество содержанием («Марод» Г. Хоткевича).

Для писателя Гуцульщина — это идеальный мир сосуществования природы и человека, где гуцул-автохтон является полноценной духовной сущностью и составляющей Карпатского края. Именно философия жизни гуцулов-автохтонов и природа Карпат, по мнению писателя, формируют представление общества о своеобразии и неповторимости Гуцульщины начала XX века.

Список литературы:

1. Хоткевич Г. М. Твори [Текст]/Г. М. Хоткевич. – Х.: Кооперативне видавництво «Рух», [1928]. Т. 7: Гуцульські оповідання/ред. і передм. А. Березинський. – [Б. м.]: [б. в.], – 1931. – 286 с.
2. Швейцер А. Благоговенье перед жизнью/А. Швейцер. – Москва: Прогресс, – 1992. – 573 с.

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 3–4 2014
March–April**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2014**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 3–4 2014 (March–April)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.